

ловке «Torn in the USA?». Речь идет о рекламе модных джинсов с нарочно сделанными дырками. Собранные примеры из шведской рекламы показывают, что эта реклама более серьезна, менее ориентирована на юмор. В каждой стране существуют свои культурные традиции и реклама по своему их отражает.

Примечания

¹ *Тарасов Е. Ф.* Психолингвистические особенности языка рекламы // Психолингвистические аспекты средств массовой коммуникации. М., 1974. С. 81.

² См.: *Leech G. N.* English in Advertising. London; New York, 1966. P. 27.

³ См.: *Арнольд И. В.* Стилистика современного английского языка. М., 1990. С. 227.

⁴ См.: *Стилистика английского языка* / Мороховский А. Н., Воробьева О. П., Лихошерст Н. И., Тимошина З. В. Киев, 1984. С. 159.

N. Tolstaya, N. Tonkova

Syntactic Compression in Swedish and English/American Adverts

Syntactic ways of language compression in Swedish and English/American adverts are discussed in this paper. Incomplete sentences are typical for English/American adverts. Nominative one-member sentences as an instrument of language compression are more often used in Swedish adverts while parcellation is more characteristic for English/American adverts.

Ю. К. Кузьменко

ФОРМИРОВАНИЕ СЕМАНТИЧЕСКОЙ РОДОВОЙ СИСТЕМЫ В ЗАПАДНОЮТЛАНДСКИХ ДИАЛЕКТАХ

В скандинавском ареале существуют разнообразные родовые системы с разным набором родовых признаков. В исландском и фарерском языках, в обеих норвежских литературных нормах, во всех норвежских диалектах, за исключением говора Бергена, и во многих шведских и датских диалектах господствует трехродовая система. В шведской и датской литературных нормах, в части шведских и датских диалектов, а также в говоре Бергена два грамматических рода. В восточношведских диалектах Недерветиля и Гамлакарлебю в Финляндии нет рода. Особая родовая система сформировалась в западноютландских датских диалектах. Здесь существует два грамматических рода так же, как в датской и шведской литературных нормах, однако распределение существительных по родам

здесь иное. В шведской и датской литературных нормах род, в основном, – категория, относящаяся к лексикону. В большинстве случаев ни форма слова без суффицированного артикля, ни его значение не определяют здесь принадлежность существительного к тому или иному роду (ср. *stol* utr., *bord* neutr.). Иная картина в западноютландских датских диалектах. Здесь мы наблюдаем семантическое распределение существительных по родам. Существительные, обозначающие вещество, имеют средний род, остальные существительные – общий род. В настоящей статье я попытаюсь ответить на вопрос, как сложилась подобная система и какие факторы могли повлиять на ее возникновение. Однако, прежде чем ответить на эти вопросы, рассмотрим подробнее признаки семантической двухродовой системы в западной Ютландии.

Семантические различия между существительными общего и среднего рода в западноютландских диалектах очень четкие. Все без исключения существительные, обозначающие вещество, относятся к среднему роду, остальные существительные, в том числе и те абстрактные существительные, которое не имеют формы множественного числа (такие, например, как *ståhej* ‘суматоха’) – к общему. Распределение существительных по родам в западноютландских диалектах, однако, не всегда точно соответствует семантическому разделению существительных на вещественные и невещественные в датской литературной норме. Отмечают, что в западноютландских диалектах как вещественные трактуются некоторые существительные, которые в литературной норме являются конкретными (Sandvad, 1931, 51). Кроме того, некоторые существительные вещественной семантики, имеющие общий род в литературной норме (*aske, fløde, grød, suppe, tjære, vælling*), являются в западноютландских диалектах *pluralia tantum* (Sandvad, 1931, 51).

В западно- и части южноютландских диалектов средний род имеют не только вещественные существительные, имевшие средний род в древних скандинавских языках и сохраняющие его в датской литературной норме (такие, как *blod, guld, kul, kridt*), но и невещественные существительные, исконно относившиеся к общему роду (такие, как *mælk, sand, is, jord*). С другой стороны, исконные существительные среднего рода имеют в этих диалектах общий род (*barn, hus, tag, guly, land*). Существительные, которые могут обозначать и вещество, и отдельный предмет, изменяются по родам: utr. *ben* ‘кость’, *træ* ‘дерево’, *brød* ‘хлеб’ (отдельные предметы) – neutr. *ben, træ, brød* – (вещество) (Kristensen, 1933, 19; Brøndum-Nielsen, 1951, 127). Семантика невещественных существительных определяет их важную морфологическую особенность. Такие существи-

тельные не имеют формы множественного числа и не могут употребляться с неопределенным артиклем.

Формальные различия по роду выражены в южноютландских диалектах гораздо меньшим количеством признаков, чем в датской литературной норме. Если в датской литературной норме родовые различия выражены различиями в неопределенном и определенном артикле (как в суффиговом, так и в свободностоящем), в форме прилагательных и местоимений (ср., например, *neutr., et stort hus, huset, det store hus, mit hus, noget hus, det – utr., en stor gård, gården, den store gård, min gård, nogen gård, den*), то в ютландских диалектах с семантической родовой системой родовые различия регулярно проявляются только в формах притяжательных, личных и неопределенно-личных местоимений *ntr. de, mit, nogher*, vs. *utr. den, min, nåt* и в омонимичных с ними формах определенного артикля при прилагательном (*neutr. de gamel mjelk – den gamel hus*). Форма прилагательных и форма определенного свободностоящего артикля одинаковы для существительных обоих родов. Только два прилагательных могут сохранять разные родовые формы *anjen* (дат. литер. *anden*) – *anjt (andet)* и *goe (god) – gåt (godt)* (Sandvad, 1931, 51). Определенный артикль перед существительными без прилагательных имеет, как правило, форму α (α *kul, \alpha* *mjelk, \alpha* *bord, \alpha* *stol* – дат. литер. *kulet, mælken, bordet, stolen*). Такую же форму имеет определенный артикль перед сочетанием существительных с прилагательными, обозначающими единое понятие (ср., например, α *gamel manj* ‘(наш) старик’), или при подчеркивании классифицирующего, а не дифференцирующего признака (ср. α *små lam* ‘маленький ягненок’ vs. *den små lam* ‘маленький из ягнят’) (Nielsen, 1959, 46). В первом случае (α *gamel man*) значение форм с определенным артиклем α соответствует значению форм без свободностоящего определенного артикля в шведском и новонорвежском языках (ср. швед. *Röda korset, svarta tavlan*). Средний род маркирован не только семантически, но и частотно, поскольку существительных среднего рода в словаре гораздо меньше (Nielsen, 1959, 45), и, кроме того, маркеры среднего рода в тексте встречаются редко. В трех небольших текстах из 424 слов (без предлогов и артиклей) на западноютландском говоре прихода Видбьерг (округ Тистед) (Danske dialekttekster, 1971, 29–31) я не нашел ни одной формы, маркирующей средний род существительного. 17 существительных имели неопределенный артикль *en* (в том числе и исконные существительные среднего рода, такие как *hus, hjem, barn, læs*), 21 существительное имело определенный свободностоящий артикль α , в том числе и вещественные существительные среднего рода (и искон-

ные, такие как *mos*, и сменившие общий род на средний, такие как *tórv, þors, lyng, jord*), 10 раз общий род был маркирован формой личного или притяжательного местоимения (*den, min, din*). Среди 8 форм с нулевым артиклем (формы обычной для вещественных существительных) было 5 существительных среднего рода. Только в одном случае в субстантивированной форме прилагательного (*det gamle* 'старое') появился формант среднего рода.

Семантические и формальные предпосылки появления семантической родовой системы. В скандинавских литературных нормах, так же как и во всех индоевропейских языках, сохранивших средний род, вещественная семантика часто связана со средним родом. При перечислении семантических признаков распределения существительных по родам во всех индоевропейских языках, сохранивших средний род, отмечается, что к среднему роду часто относятся существительные со значением вещества. Подобную же картину мы наблюдаем в скандинавских языках и с двухродовой и с трехродовой системой (см., например, Beito, 1986, 158; Hansen, 1967, 44). Особая семантика среднего рода видна и при субстантивации прилагательных в разных языках (ср. рус. *хорошее*) (Стеблин-Каменский, 1957; Werner, 1975, 50).

В качестве общей предпосылки формирования семантической родовой системы можно было бы рассматривать и формальные особенности семантической группы существительных, обозначающих вещество. Такая морфологическая особенность семантического класса вещественных существительных, как отсутствие у них форм множественного числа, непосредственно связана с их семантикой и характерна, вероятно, для всех языков мира. Есть, однако, грамматические особенности этой семантической группы существительных, которые имеют разный вид в разных языках. Скандинавские языки относятся к языкам, в которых вещественная семантика существительных выражена целым набором грамматических средств. К таким средствам относится прежде всего артиклевая система, система квантификаторов (*много, мало*) и частично родовая система. В языках с корреляцией соотнесенности, выраженной артиклями, нулевая форма очень часто имеет вещественное значение, ср. дат. литер. *et lam, lammet* 'ягненок' — vs. *lam* 'ягнятина'. В скандинавских языках формальное разграничение вещественной семантики возможно и благодаря существованию двух типов квантификаторов (дат. *mange — meget*). Особенно заметно такое разграничение в том случае, когда слово может обозначать и конкретный считаемый предмет и вещественное существительное, ср. формы типа швед. *mycket sten, mycket lamm (många*

stenar, många lamm), которые полностью соответствуют формам типа *mycket guld*. В датской литературной норме форма множественного числа *stene* уже фактически вытеснена нулевой формой *sten*.

Мы видим, таким образом, что в скандинавских языках к предпосылкам образования семантической родовой системы добавляется еще одна важная особенность: неопределенная форма множественного числа у существительных среднего рода совпадает с неопределенной формой вещественных существительных (*hus – guld*).

Дидериксен приводит пример изменения существительных по роду в датском языке: *han har drukket øllen* 'он выпил (кружку, бутылку и т.п.) пива' – *han har drukket øllet* 'он выпил пиво'; *har du drukket den mælk* 'он выпил молока' – *har du drukket det siste mælk* 'он выпил последнее молоко' (Diderichsen, 1957, 91–93). При этом в словарном употреблении *øl* является существительным среднего, а *mælk* – общего рода. В датском языке возможно противопоставление форм общего и среднего рода при подчеркивании партитивного и соответственно атрибутивного значения именных квалификаторов (ср., например, *Må jeg ikke nok drikke det mælk, der står.* vs. *Den mælk tør jeg ikke drikke, den smager ikke rigtig* – Hansen, 1967, 53). В партитивном значении употребляются и формы среднего рода *noget, meget, lidt* с вещественными существительными общего рода *noget mad, noget sne, meget grød, suppe; lidt frisk luft* (Hansen, 1967, 53–54).

Датские диалекты показывают, что важной предпосылкой формирования семантической двухродовой системы является редукция родовых признаков. Характерная для западноютландских диалектов семантическая родовая система сформировалась только в областях с отсутствием согласования в роде у прилагательных и с отсутствием родовых различий у определенного артикля, там, где определенный артикль является свободностоящим препозитивным артиклем *æ*. Если в датской литературной норме родовые различия выражаются и в форме суффирированного определенного артикля, и в форме прилагательного (ср. *bordet er stort – stolen er stor*), то в областях, где происходит формирование семантической родовой системы и в областях, где она уже сформировалась, таких различий нет (ср. зап. и южн. ютл. *æ bord æ stor – æ stol æ stor*). Соответственно нейтрализуются формальные различия по роду в подобного типа конструкциях у вещественных существительных разного грамматического рода (ср. литер. *leret er brunt – granitten er brun*, но южн. ютл. *æ ler æ brun – æ granit æ brun*). Характерная для западной и южной Ютландии единая препозитивная форма определенного артикля при существительных общего и среднего рода *æ*, соответствующая двум фор-

мам постпозитивного артикля в литературной норме и трех форм такого артикля в трехродовых датских диалектах, рассматривается часто как основная предпосылка изменения среднего рода на общий у существительных типа *hus* (Nielsen, 1959, 45) и формирования семантической родовой системы (Skautrup, 1952, 103).

Этапы становления семантической двухродовой системы в западноютландских диалектах можно установить, сравнивая родовые системы датских диалектов, в которых отражена разная степень этого изменения. Такая система начинает формироваться еще в условиях функционирования трехродовой системы, когда ряд вещественных существительных мужского и женского рода становятся *pluralia tantum*, совпадая, таким образом, по форме с множественным числом существительных среднего рода, т.е. формально становятся *neutr. pl.* (см., например, *sirep*, *homel*, *sænep*, дат. литер. *sirup(pen)*, *sennep(pen)*, *humle(n)*) в трехродовом говоре Самсё (Hjorth, 1958, 16, 21).

Такое употребление вещественных существительных, исконно не относящихся к среднему роду, имеет широкое распространение в датских диалектах, прежде всего в Ютландии (Bennike, Kristensen, 1911, §184). Енсен связывает его с идентичностью нулевой формы единственного числа вещественных существительных с нулевой формой множественного числа существительных среднего рода и с тем, что определенная форма единственного числа существительных несреднего рода совпала с определенной формой множественного числа (*sko'wn* = *skoene*, *skoene*) (Jensen, 1956, 20).

Трехродовой диалект Самсё подтверждает справедливость предположения о связи совпадения определенной формы множественного числа и определенной формы единственного числа с появлением *pluralia tantum* вещественных существительных. Здесь определенная форма множественного числа совпала с определенной формой единственного числа только у существительных женского рода (-*en*), у существительных мужского рода эти формы продолжают различаться (*mask. def. sg. -i*, *mask. def. pl. -en*), соответственно *pluralia tantum* могут становиться только исконные существительные женского рода (*aske*, *fløde*), вещественные существительные мужского рода сохраняют форму единственного числа (*grød*, *def. grødi*) (Hjorth, 1958).

В двухродовых диалектах, где в формах общего рода генерализовались формы артиклей и согласовательные формы прилагательных и местоимений женского рода, тенденция к переходу вещественных существительных в *pluralia tantum* естественно оказывается еще более замет-

ной, поскольку в них уже нет противопоставления типа *mask. def. sg. grødi* – *mask. def. pl. grøden*. В двухродовом говоре Хоульбьерга исконные вещественные существительные и женского, и мужского рода стали *pluralia tantum* (ср., например, *grø'j (grød), senep, å.sk (aske), flø.j (fløde), ko'l (kål), kwol (kul), tieR (tjære), tran (tran)* (Jensen, 1956, 19–20).

И в трехродовых, и в двухродовых диалектах возможно появление форм единственного числа среднего рода у исконных вещественных существительных мужского и женского рода. В трехродовом диалекте Лолланда, например, средний род имеют *bomuld, sukat, kløver, granit, sprit, mergel, tran, lak, brændevin* (хотя *vin* сохраняет мужской род) (Christensen, 1936, 42). *Tran* и *lak* имеют факультативные формы среднего рода и в датской норме. Однако многие вещественные существительные сохраняют на Лолланде исконное распределение по родам (ср. *mask. mad, grød, halm, te, vin, fem. mælk, jord*). В двухродовом диалекте Хоульбьерга часть вещественных существительных, исконно не относившихся к среднему роду, также имеют форму среднего рода единственного числа (*talg, honning, materie, kaffe, the, silke, hør, dyppelse, mergel* – Jensen, 1956, 19). Как уже отмечалось выше, некоторые существительные этого типа остаются *pluralia tantum* и в западноюнтландских диалектах с установившейся семантической двухродовой системой (Sandvad, 1931, 51).

Исходя из приведенных выше данных, развитие семантической двухродовой системы можно представить себе следующим образом: сначала вещественные существительные несреднего рода *singularia tantum* из семантического абстрактного множества были переинтерпретированы как грамматическое множество, т.е. стали *pluralia tantum* среднего рода (у существительных среднего рода нулевая форма единственного числа и форма множественного числа, как правило, совпадают), а затем эти формы вновь стали *singularia tantum*, сохраняя средний род, т.е. *mask. sg. или utr. sg. grød* > *neutr. pl. grød* > *neutr. sg. grød*. В сочетаниях с маркерами рода это изменение можно представить так: *sg. utr. god grød – grøden (def. sg.) – den gode grød* > *pl. neutr. gode grød – grøden (def. pl. без прилагательного) – di gode grød (def. pl.)* > *sg. neutr. godt grød – grødet – de gode grød*. В диалектах со свободностоящим определенным артиклем *godt grød – æ grød – de gode grød*. Как показывают диалекты, подобное развитие происходило не одновременно у всех вещественных существительных несреднего рода. Именно поэтому в диалектах с еще несформировавшейся семантической двухродовой системой можно наблюдать сосуществование исконного рода, форм *pluralia tantum* и форм *neutr. sg.* у исконных вещественных существительных несреднего рода. Даже в за-

падноютландских диалектах с семантической родовой системой можно встретить вещественные существительные *pluralia tantum*. Однако такой путь развития был, вероятно, не единственным, и не все вещественные существительные несреднего рода проходили этап *pluralia tantum*.

Формирование семантической родовой системы во многих диалектах происходило и путем генерализации партитивного употребления *det*. Употребляющееся в норме в партитивном значении форма *det* с вещественными существительными общего рода (см. выше: *det mælk*, vs. *den mælk*) фактически теряет в диалектах свою партитивность и становится просто указательным местоимением. Формы типа *det mælk*, полностью вытеснив формы типа *den mælk*, становятся единственно возможными и с существительными несреднего рода. В восточноютландском говоре Хоульбьерг указательное местоимение среднего рода *vesgda* употребляется с существительными, обозначающими вещество, даже если это существительные общего рода (Jensen, 1956, 17–18). Таким образом, у существительных общего рода можно наблюдать употребление указательного местоимения среднего рода и определенного артикля общего рода (ср., например, *de ul' – ul'en (uld)*; *de hawre – haweren (havre)*, *de jo'e – jo'Rn (jord)*, *de mjælk – mjælken (mælk)* – (Jensen, 1956, 18). Кристенсен отмечает, что в отдельных случаях возможно спорадическое появление у таких существительных форм с определенным артиклем среднего рода (см., например, *ostet* вместо *osten*), причем те вещественные существительные, которые не могут обозначать и конкретные предметы, в первую очередь меняют и определенную форму общего рода на определенную форму среднего рода (Kristensen, 1933, 24–26), что подтверждается и данными Енсен (ср., например, *de hon'e – hon'eret (honnig)*, *de selki – selkit (silke)* – Jensen, 1956, 19). В говоре западного Фюна с трехродовой системой почти все вещественные существительные в определенной форме могут иметь артикль среднего рода (ср., например, *rapset* (дат. литер. *rapsen*), *olet (ulden)* – Jacobsen, 1933, 118).

Во многих диалектах мы наблюдаем, таким образом, промежуточное состояние между лексической и семантической родовой системой. Все существительные вещественной семантики оказываются здесь среднего рода, однако средний род невещественных существительных сохраняется (т.е. *hus* и *barn* имеют средний род). Такое состояние может быть характерно и для диалектов с постпозитивным определенным артиклем (*ostet–huset*), и для диалектов с препозитивным определенным артиклем (*α ost – α hus*).

Первым шагом на пути формирования семантической двухродовой системы в западноютландских диалектах было, таким образом, изменение несреднего рода на средний у существительных вещественной семантики, начавшееся, вероятно, еще при существовании всех родовых признаков трехродовой системы. В результате этого сформировалась родовая система, характерная теперь для многих южноютландских и некоторых восточноютландских диалектов (*grød* (< m.), *mælk* (< f.), *barn, hus* – neut; *stol, gard* – utr.). Однако полной семантизации родовых различий (средний род – вещество, общий род – невещество) здесь еще не произошло, поскольку невещественные существительные сохраняют средний род. Следующий этап изменения, завершивший формирование семантической двухродовой системы: переход невещественных существительных среднего рода в общий род (*en hus, en bord, en barn*). Такое изменение произошло только в западноютландских диалектах, и его условием было отсутствие согласовательных родовых признаков у прилагательных и наличие препозитивного определенного артикля (*æ hus, æ mjelk, æ stol*). Редукция родовых признаков оказывается важным фактором изменения только на заключительном его этапе (*et hus* > *en hus*).

Причины формирования семантической родовой системы. Выше мы рассмотрели, каким образом могла возникнуть семантическая двухродовая система, однако не ответили на вопрос о возможных причинах этого изменения. Можно было бы попытаться объяснить грамматикализацию семантических различий вещество/невещество особыми средствами выражения вещественной семантики в датском языке (см. раздел «Семантические и формальные предпосылки»), однако такие же или почти такие же средства существуют и в других скандинавских языках, и даже в датских диалектах, не затронутых описываемым нами изменением и сохранивших трехродовую лексическую систему (как, например, в северной Ютландии или Зеландии). Необходимо ответить на вопрос, почему эти семантические и формальные предпосылки привели к грамматическому изменению именно в западной и отчасти в южной Ютландии.

Уже в самых первых письменных памятниках, в которых обнаруживаются черты западноютландских диалектов, наблюдаются не только колебания в роде, но и формирование семантической родовой системы (ср. формы типа *ant iorth, the iorth, en thing, annen syskin* в одной из рукописей Ютландского права (XIV в.) – Skautrup, 1925, 30–31). Возможно, западноютландский диалект писца отражал в XIV веке то состояние, которое мы наблюдаем теперь в восточноютландских диалектах с противо-

поставлением типа *de mjelk – mjelken* (см. выше), поскольку форма типа *de iorth* сочетается здесь с формой *iorthen*.

Толчком и к упрощению исконной трехродовой системы, и к формированию семантической двухродовой системы могли послужить контакты диалектов соответствующих областей с англосаксонскими диалектами в эпоху викингов, прежде всего в X–XI веках, во время датского завоевания Англии. Такие контакты, проходившие в условиях семикоммуникации (Кузьменко, 1995; 1998), способствовали не только коренному преобразованию английской грамматической системы, но и повлияли на язык возвратившихся на родину датчан (Кузьменко, 1995, 33–34; 44–48). У нас нет данных о том, что на пути к исчезновению родовой системы в английском, толчком к которому также послужили датско-англосаксонские контакты, английские диалекты проходили стадию семантической двухродовой системы (вещество – средний род, невещество – общий род), однако в некоторых английских диалектах можно наблюдать следы формирования такой системы. Личное местоимение *it* замещает здесь только существительные вещественной семантики, таких как *dust, milk* (Wright, 1905, 266). Если же мы обратим внимание на находящиеся в постоянном контакте с датскими диалектами северофризские и северные нижненемецкие диалекты, то обнаружим в них очевидную тенденцию к формированию семантической двухродовой системы. В нижненемецком говоре Хусбю родовая система сходна с южноютландской. Все вещественные существительные имеют здесь средний род, невещественные – общий (Bock, 1933, 69). Кроме того, здесь начался процесс перехода исконных невещественных существительных среднего рода в общий род, и такие существительные, как *hu:s (das Haus)*, могут иметь факультативные формы общего рода (Bock, 1933, 69). В северофризских диалектах, как в тех, которые сохраняют трехродовую систему, так и в диалектах с двухродовой системой, также отмечается, что средний род определяется значением существительного, и все исконные вещественные существительные мужского и женского рода приобретают здесь средний род, а невещественные существительные среднего рода имеют тенденцию переходить в мужской, женский или общий род (Löfstedt, 1968, 9–12). Даже в литературном варианте немецкого языка в Шлезвиге в конце прошлого века вещественные существительные, такие как *Milch, Sand, Zucker* относились к среднему роду (ср. нем. литер. *der Zucker, der Sand, die Milch* (Andersen, 1899, 144).

Можно было бы интерпретировать такие соответствия в роде контактирующих диалектов в ютландской контактной зоне тем, что соответ-

ствующие родовые системы развились в датских диалектах и оттуда проникли в соседние нижненемецкие и фризские диалекты, тем более что самые северные нижненемецкие диалекты находятся на территории исконного распространения датских диалектов (как, например, диалект Хусума). Однако более вероятным кажется предположение, что именно контактные зоны на западе и юге Ютландии и явились очагами распространения редукции исконной трехродовой системы и формирования семантической двухродовой системы (Кузьменко, 1998, 25–27, 32–36). Датско-англосаксонская семикоммуникация в X–XI вв. и датско-нижненемецко-северофризская семикоммуникация этого же и более позднего времени были толчком к упрощению и к семантизации родовой системы. Категория рода в германских языках имеет тенденцию исчезать при языковых контактах. Исчез род в английском, в африкаанс, в некоторых шведских диалектах Финляндии (Кузьменко, 1998, 18–19; 36–38). Упрощение исконной скандинавской трехродовой системы в двухродовую систему в шведской и датской литературной норме также связано с языковыми контактами (Кузьменко, 1998, 28–32). Нет ничего удивительного, что изменение родовой системы в датских диалектах Ютландии тоже могло быть связано с языковыми контактами. Однако то, что такие контакты привели не просто к исчезновению рода, как это произошло, например, в восточношведских диалектах Недерветиля и Гамла Карлебю, а к формированию семантической двухродовой системы вещество/невещество, связано с особенностью контактирующих диалектов. Отмеченные выше формальные и семантические особенности вещественных существительных (в частности выражение вещественности нулевой формой при существовании артиклевой корреляции соотнесенности, совпадение нулевой формы вещественных существительных с формой множественного числа существительных среднего рода, наличие разных квантификаторов для вещественных и невещественных существительных) были характерны и для контактирующих с датскими диалектами западногерманских языков. Именно наличие категории рода во всех контактирующих диалектах в Ютландии и общность формального выражения вещественной семантики существительных способствовали формированию семантической двухродовой системы в областях контактов и прежде всего в западной Ютландии.

Таким образом, изменение родовой системы в западноютландских и частично в южноютландских диалектах можно представить себе следующим образом. Контакты этих диалектов с западногерманскими языками в условиях семикоммуникации обусловили упрощение исконной

трехродовой системы во всех контактирующих языках. Наличие во всех германских языках сходных формальных признаков у существительных вещественной семантики обусловили формирование двухродовой семантической системы: вещество (neutr.) – невещество (utr.), которая является, вероятно, последним этапом перед полным исчезновением родовых различий, поскольку средний род имеет только ограниченное формальное выражение и характерен только для небольшой группы слов. Этапы формирования такой системы в западноютландских диалектах устанавливаются путем анализа соответствующих признаков, распространившихся за пределы западной и южной Ютландии.

Литература

- Кузьменко Ю.К.* Этнические контакты в Ютландии и языковые изменения в датских диалектах // Этнолингвистические исследования: Этнические контакты и языковые изменения. СПб., 1995. С. 28–60.
- Кузьменко Ю.К.* Языковые контакты и морфологические изменения: Судьба категории рода в скандинавских языках и диалектах // Этнолингвистические исследования: Взаимодействие языков и диалектов. СПб., 1998. С. 5–40.
- Стеблин-Каменский М.И.* Грамматика норвежского языка. Л., 1957.
- Andersen N.* Det danske Sprogs Indflydelse på Højtysk i Nordschleswig // Dania. Bd. 6. 1899. S. 129–194.
- Beito O.* Nynorsk grammatik. Utg. 2. Oslo, 1986.
- Bennike V., Kristensen M.* Kort over de danske folkemaal. Text. København, 1911.
- Bock K.N.* Niederdeutsch auf dänischem Substrat. Kopenhagen; Marburg, 1933.
- Brøndum-Nielsen J.* Dialekter og dialektforskning. København, 1951.
- Christensen B.* Lollandsk grammatik. København, 1936.
- Danske dialekttexter.* København, 1971.
- Diderichsen P.* Elementær dansk grammatik. København, 1957.
- Hansen Aa.* Moderne dansk. Bd 2. København. 1967.
- Hjorth P.L.* Nordsamsisk bøjningslære. København, 1958.
- Jacobsen P.* Mundarten i Flemløse sogn. Vestfynsk. Utg. af P. Andersen. København, 1933.
- Jensen E.* Houbjergmålets bøjningslære. København, 1956.
- Kristensen M.* Folkemål og sproghistorie. København, 1933.
- Läfstedt E.* Beitrag zu einer nordfriesischen Grammatik. Uppsala, 1968.
- Nielsen N.-A.* De jyske dialekter. København, 1959.
- Sandvad H.* Stauningmålet. Aarhus, 1931.
- Skautrup P.* Sproget i håndskriftet AM. 298 fol. til jyske lov i dets forhold til nulevende jyske folkemål. // ANF, 41, 1925. S. 1–57.
- Skautrup P.* Sammenhænge i dialektal udvikling // Runer og rids. København, 1952. S. 95–103.
- Werner O.* Zum Genus im Deutschen // Deutsche Sprache. Bd 1. 1975. S. 35–58.
- Wright J.* The English Dialect Grammar. Oxford; London; Edinburgh; Glasgow; New York; Toronto, 1905.

Udviklingen af et semantisk genussystem i de vestjyske dialekter

I artiklen behandles etaper af og faktorer for udviklingen af et specielt genussystem med to semantisk betingede grammatiske køn (neutrum ved stofbetegnelser, fælleskøn ved alle øvrige substantiver). Artiklen er struktureret på følgende måde: 1. Semantiske og formelle genusforskelle i vestjysk, 2. Semantiske og formelle forudsætninger for udviklingen af et semantisk genussystem, 3. Udviklingens etaper, 4. Udviklingens årsager. Udviklingens etaper fastslås med henvisning til øst- og sydjyske mål, som endnu ikke har fuldstændig udviklet det semantiske genussystem. Det første skridt i udviklingen har været en overgang af oprindelig ikkeneutrale stofbetegnelser til neutrum (*mælk, grød, aske*). Sådanne ord blev først til pluralia tantum neutr. og siden til singularia tantum neutr. Den anden vej var generaliseringen af det partitive det ved de oprindelige ikkeneutrale stofbetegnelser (jfr. *det mælk – mælken > det mælk – mælket*). Det afgørende skridt i udviklingen har været overgangen af oprindelig neutrale individua til fælleskøn (*hus, barn*). Formelt sammenhænger denne udvikling med udviklingen af den foranstående bestemte artikel (*huset > æ hus*).

Impulsen for udviklingen af semantisk betinget genussystem er dog at søge i sprogkontakter af danske dialekter med andre germanske dialekter, som havde samme formelle kendemærker ved stofbetegnelser i Vest- og Syddjylland på vikingetiden og i middelalderen.

Ю.А. Клейнер

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ИСЛАНДСКОЙ ПРЕАСПИРАЦИИ

В мае 1998 г., выступая в Германском семинаре Петербургского лингвистического общества, В.П. Берков упомянул скандинавскую преаспирацию, заметив, что все интерпретации этого явления, до сих пор предлагавшиеся, представляются ему в той или иной степени неудовлетворительными. Что именно кажется ему неточным, неверным или просто ошибочным, В.П. Берков не уточнил. Поэтому я на свой страх и риск выбрал ряд положений, являющихся, как мне казалось, бесспорными, т.е. находящимися в соответствии с установленными принципами строения и функционирования исландской фонологической системы, и попытался увязать их с реконструируемыми (и потому менее очевидными) фактами, относящимися к более ранним периодам истории скандинавских языков. Чтобы не увеличивать объем статьи, я вынужден был отказаться от обсуждения ряда интересных деталей и постарался избежать полемики по частностям, но не удержался от предположений, гипотетических даже в пределах предлагаемой гипотезы. Менее всего я рассчитывал на «презумпцию безнаказанности» диахронических построений, понимая, что и